

АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕЙШИХ ЦЕНТРИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ КАВКАЗО-ПАМИРСКОГО МЕГАРЕГИОНА КАК ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ПУТИ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ АЛАН-ОСЕТИН

В. Б. Бесолов, А. В. Бесолов

О появлении на Кавказе архитектурного морфотипа древнейшего центрического жилища свидетельствуют археологические находки эпохи энеолита, ранней бронзы, в том числе знаменитой куро-аракской культурно-исторической эпохи, и последующих периодов древности и средних веков, а также описания античных авторов подземных жилищ с верхним входом и специфики уступчатого шатра. На протяжении многих веков зарождалась художественно-творческая мысль купола на квадрате. Свидетельством тому являются архитектурные творения центрической композиции, структуры и формы, возведенные из местного строительного материала и составляющие с ландшафтом Кавказско-Памирского горного мегарегиона нерасторжимое единство, органическое целое.

Изначальное местозарождение и месторазвитие творческой идеи «купол на квадрате» происходило в архитектуре древнейшего центрического жилища Кавказско-Памирского горного мегарегиона, что является четким показателем степени развития созидательного таланта народов и стран, веским определителем их места в иерархии творчески одаренных наций и ведущих художественно развитых стран древнего и средневекового мира.

Архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом, как весомый и зримый исторический источник, является надежным определителем пути этногенеза и этнической истории и культуры древних ираноязычных племен и народностей Центрального Кавказа, Западного Памира и Гиндукуша.

Ключевые слова: этногенез, архитектурогенез, этническая история, этническая культура, индоевропейцы, иранистика, кавказоведение, аланы, осетины, центрическое жилище, центрические сооружения.

ARCHITECTURE OF ANCIENT CENTRIC STRUCTURES IN CAUCASUS-PAMIR MEGA REGION AS A DETERMINANT OF THE ETHNOGENESIS PROCESS OF DEVELOPMENT, ETHNIC HISTORY AND CULTURE OF ALAN-OSSETIANS

V. B. Besolov, A. V. Besolov

The first appearance of the architectural morphotype of the ancient centric dwelling at the territory of Caucasus is confirmed by archaeological findings of Eneolith, Early Bronze Age, including the famous Kura-Araxes cultural-historical era, and subsequent periods of ancient times and the Middle Ages, as well as descriptions of ancient authors about the underground dwellings with upper entrance and the specificity of ledged tent. For many centuries and millennia there was a crystallization of the creative idea and concept for a dome on a square originated in ancient times. The evidences are the architectural creations of centric composition, structures and forms, built of local building materials. They constitute a indissoluble unity, organic whole with the landscape of the Caucasus-Pamir mountain megaregion.

© Бесолов В. Б., Бесолов А. В., 2015

Initially, the place of origin and development of the dome on a square concept was in the architecture of the ancient centric dwelling in the Caucasus-Pamir mountain megaregion. This is the clear indication of the level of development of the peoples' and nations' creative talent, the determinant of their place in the hierarchy of artistically gifted nations and leading artistically developed countries of the ancient and medieval world.

The architectural morphotype of the ancient centric dwelling with pyramidal-ledged ceiling and light-flue hole over an open hearth is the determinant of the ethnogenesis ways, the ethnic history and culture of the ancient Iranian-speaking tribes in the Central Caucasus, Western Pamir and HinduKush, as a significant and visible historical source.

Keywords: ethnogenesis, genesis of architecture, ethnic history, ethnic culture, Indo-Europeans, Iranian studies, Caucasus studies, Alans, Ossetians, centrally-planned building, centrally-planned dwelling.

Архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатой структурой перекрытия и отверстием в зените над открытым очагом, размещенным в середине просторной жилой ячейки, а также склепа с пирамидально-ступенчатой формой покрытия и фаллосом в вершине, святилища с пирамидально-ступенчатой рудиментарной объемной массой и силуэтом, сужающейся сверху башни с ровными плоскостями фасадных стен, своим завершением образующей четырехугольный проем – это не только уникальные сооружения центрической композиции, структуры и формы с развитой вертикальной осью и не только показатели высокого уровня развития архитектурно-художественной мысли и строительно-технического мастерства на Центральном Кавказе, но и активная зона высокой степени пассионарного напряжения, высокогорное место интенсивного поглощения космической энергии и излучения земной информации.

Эти действительно уникальные не только в горной Евразии, но и во всем мире творения народного зодчества и традиционные константы локальных, региональных и глобальных этнических процессов, изумительные по своей плановой композиции и пространственно-тектонической структуре сооружения максимально способствуют непрерывному движению жизненно важных энерго-информационных потоков между Землей и Космосом. Они являются незаменимым источником и исключительным основополагающим материалом при изучении и конкретизации глобальных этногене-

тических процессов в горной Евразии, в частности, процесса образования центрально-кавказского и памиро-гиндукушского ираноязычных арийских этносов с характерным обликом, уникальным языком и традиционной культурой, процесса поэтапного формирования их этнической индивидуальности [33–36].

Весьма важно учесть, что архитектурный морфотип центрического жилища с пирамидально-уступчатой структурой перекрытия и отверстием в зените над открытым очагом является исключительным артефактом, зримым свидетельством исторически закономерного появления, длительного развития и распространения древнейших индоевропейцев на Армянском нагорье, Центральном и Южном Кавказе, в Средней и Центральной Азии и Юго-Восточной Европе. По сути, этот уникальный памятник народного зодчества является убедительным историческим фактом и важным архитектуроведческим источником при исследовании конкретной этногенетической проблемы и, более того, оригинальным жилищем древнейшего этноса, максимально адаптированным к определенному характеру местности, экологически необходимым, мировоззренчески обоснованным, т. е. как бы созревшим в среде самого индоевропейского общества, выросшим из недр Армянского нагорья. Несомненно одно: на протяжении многих веков и тысячелетий происходила кристаллизация творческой идеи купола на квадрате, т. е. зародившейся в глубокой древности художественно-творческой мысли

зодчих и мастеров-строителей из индоевропейского этноса, свидетельством тому являются архитектурные творения центрической композиции, структуры и формы, возведенные из местного строительного материала и составляющие с евразийским горным ландшафтом органическое целое [5–6; 11; 30; 41].

Исследуя закономерности формирования и распространения древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатой структурой перекрытия и отверстием в зените над открытым очагом, размещенным в середине просторной жилой ячейки, на методологической основе новых (историко-лингвистической и этнолого-географической) теорий этногенеза индоевропейцев и в контексте этногенетических процессов древних арийцев, алан и осетин, горных таджиков и афганцев и их далеких предков, прослеживается совершенно иной путь их генетической эволюции, этноисторического и этнокультурного развития [9; 29; 43–45].

В рассматриваемом аспекте исследуемой темы немаловажное значение имеют естественно-географические и экологические условия, которые влияют на образ жизни и хозяйственную деятельность конкретных племен и народов, их бытовой уклад, психический склад и социальные отношения с окружающим миром, причем в каждую культурно-историческую эпоху эти природные факторы оказывают детерминирующее воздействие на общество. Разумеется, несмотря на богатейшие природные ресурсы, столь сложная и суровая биосфера Центрального Кавказа и Среднего Предкавказья, Западного Памира и Гиндукуша в определенной степени оказывала неизбежное и решающее влияние на индивидуум и социум, накладывала на их жизнь закономерный отпечаток [14–17].

Именно тогда становились более значимыми не только исторические обстоятельства, экологические условия и естественные факторы, но также этнические реалии, эстетические пред-

ставления и культурные показатели этногенетического процесса древнейших индоевропейцев, в том числе ранних армян и древних арийцев, более зримыми направления движения миграционных волн и время появления первых ираноязычных арийцев на Центральном Кавказе и Среднем Предкавказье [18; 26; 32; 37–38; 40; 42], Западном Памире и Гиндукуше [10; 39].

При рассмотрении комплекса вопросов относительно проблем этногенеза древнейшего ираноязычного арийского этноса, раннесредневековых ираноязычных аланов и позднесредневековых ираноязычных осетин, в индоевропеистике и иранистике, прежде всего в аланистике и осетиноведении, все еще продолжается яростная полемика вокруг одной из стержневых проблем о двуприродности ираноязычных обитателей Центрального Кавказа: происхождения этого народа в смысле его генетических корней, родственных связей и его формирования в смысле особенностей той естественно-исторической среды, в которой протекает этногенетический процесс. Такой методологический подход, инерционно существующий более столетия, был введен в мировую иранистику и кавказоведение с легкой руки широко известных ученых, представителей исторических и филологических наук, незыблемый авторитет которых гарантирует неизменность их этногенетических концепций и суждений, явным свидетельством тому является удивительная долговечность устоявшихся взглядов и учений.

Здесь, прежде всего, следует назвать, с одной стороны, представителей исторических наук: историков-кавказоведов, специалистов по древней и средневековой истории, археологии, этнологии, антропологии и других отраслей исторического знания во главе с Е. И. Крупновым (1904–1970), а с другой стороны – представителей филологических наук: лингвистов-индоевропеистов и иранистов, специалистов по центрально-кавказской ономастике, этимологии, компаративистике, диалек-

тологии и других отраслей филологического знания во главе с В. И. Абаевым (1900–2001), а промежуточное положение между ними обычно отводится ученым – специалистам по истории древних религий, индоевропейской, арийской и иранской мифологии и нартскому эпосу во главе с выдающимся французом Ж. Дюмезилем (1898–1986) [19–21; 40].

Вместе с тем несколько симптоматично, что попытки монголоязычного истолкования некоторых данных из ономастики древнего и средневекового Центрального Кавказа вовсе не убедительны и обречены на фиаско, ибо отличаются фантастическими домыслами и несостоятельными доводами.

В гуманитарных науках все еще продолжают отсутствовать аргументированные исследования, не умозрительно, а более объективно освещающие этническую историю центрально-кавказского региона: время появления и территория расселения первых арийцев, их внешний облик и язык, психический склад и бытовой уклад, хозяйственная деятельность, социальное устройство, духовная и материальная культура и, что особенно важно, характер взаимодействия центрально-кавказского этно- и социокультурного пространства с окружающим этнически переменным культурным миром.

Ведь крайне важно обратить должное внимание на срединную часть предгорного, горного и высокогорного Большого Кавказа, на издревле обитаемые горы и прилегающие возвышенности и равнины Казбеко-Эльбрусского двугорья, на обоих склонах которого еще в эпоху поздней бронзы и раннего железа появилась и развивалась, в сущности, единая уникальная центрально-кавказская, или кобано-тлийская, художественная культура (XIV–IV вв. до н. э.),

что, с точки зрения физической и этнической географии, является более точным определением. В процессе ее трехвекового угасания постепенно, на той же территории и за такой же период, в ее недрах созревала и так же внезапно появилась новая культура, не менее знаменитая и оригинальная в эпоху раннего и зрелого Средневековья, но уже аланская художественная культура Центрального Кавказа и Среднего Предкавказья (IV–XIV вв. н. э.)^{*} [22–23].

Для всестороннего и полноценного осмысления сущности и значимости становления, расцвета и угасания местных этнокультурных явлений и процессов эпохи древности и периода раннего и зрелого Средневековья нужно аналитически оценить то, что происходило в сопредельных, смежных, близлежащих и отдаленных регионах Евразии. С этой целью крайне важно принять во внимание синхронные историко-культурные факты.

В период формирования и расцвета на Центральном Кавказе и Среднем Предкавказье яркой, неимоверно богатой, достаточно оригинальной по исключительному разнообразию изделий и стилистически однородной кобано-тлийской художественной культуры, на территории Азиатской части России развивалась не менее блестящая карасукско-тагарская культура, на территории Центральной Европы процветала уникальная гальштатская культура, а на территории Переднего Востока, в Западном Иране, не менее прославленная культура луристанской бронзы. В этот же период в Северо-Восточном Кавказе, преимущественно в восточной части Чечни и Дагестане, развивалась каякентско-хорочоевская культура, в Северо-Западном Кавказе, в бассейне Кубани совершенствовалась прикубанская культура, а в Южном Кавказе, на близлежащей территории Абхазии

^{*} Проблема иранства на Центральном Кавказе рассматривается А. П. Зураевой с древних времен по VII в. Эта тема выпала из научного обихода современной аланистики и почему-то до сегодняшнего времени остается вне внимания алановедов Северной и Южной Осетии и России.

и Западной Грузии, достигла художественной зрелости знаменитая колхидская культура. Нетрудно заметить, что в естественно-географическом ареале и историко-хронологическом контексте знаменитых этнических культур, имеющих некоторые черты сходства и признаки общности, высочайшего уровня художественного развития достигла кобано-глийская материальная и духовная культура, созданная древними, автохтонными ираноязычными племенами Центрального Кавказа.

Важно отметить, что в 301 г. христианство стало официальной государственной идеологией Армении, древнее индоевропейское армяноязычное население имманентно восприняло новую веру, и Армения стала первой христианской страной в мире Евразии. Вскоре к христианству также обратились и кавказоязычные народы: в 313 г. – Агвания, 337 г. – Грузия, 532/535 г. – Абхазия. К тому же, в 312 г. христианство стало государственной идеологией Византии и вскоре проникло в его провинции на Крымском полуострове и во всем Северном Причерноморье.

Аланское государство, достигшее высокого уровня развития культуры и хозяйства, наряду с древнехристианскими странами Южного Кавказа вышедшее на передовые позиции социальных преобразований, вскоре имманентно дошло до состояния восприятия новой, более прогрессивной идеологии – христианства православного толка. Вхождение в ряды христианских стран в эпоху раннего Средневековья являлось показателем уровня просвещенности этноса и признаком степени культурного развития [7; 25].

Кроме того, в VIII–IX вв. ислам проник к тюркоязычному населению территории Средней Азии, немного позднее – к Волжской Булгарии и Крыма, а в XI–XII вв. – к тюркоязычному населению Азербайджана, вероятно, в IX–XI вв. сменившего прежнюю страну Агванию.

Именно на территории Центрально-Кавказа и прилегающей части Сред-

него Предкавказья внезапно возникла, достигла расцвета и медленно угасла знаменитая кобано-глийская материально-художественная культура (XIV–IV вв. до н. э.), древних ираноязычных обитателей обеих склонов срединной части гор Большого Кавказа. Весьма парадоксально, что именно на той же территории и в той же антропологической и лингвистической среде происходило становление (I–III вв. н. э.), а в эпоху раннего Средневековья сформировалось необычайно воинственное аланское общество ираноязычных племен (IV – середина IX в. н. э.), отличавшееся непрерываемой иерархической организацией и моральными устоями семейно-бытового уклада, развитой ремесленной и хозяйственной деятельностью, социальными морально-нравственными приоритетами и традиционным горским этикетом. В период зрелого Средневековья образовалось Аланское государство (середина IX–XI вв. н. э.) с развитым централизованным социальным устройством, интенсивными социально-экономическими и политико-дипломатическими отношениями, с многотысячной превосходно вооруженной кавалерией, отличавшейся бесстрашием и воинственностью. Однако и Аланское государство не избежало феодальных междоусобиц и царских распрей, политической раздробленности, столь характерных для государств эпохи развитого Средневековья, и поэтому распалось на удельные княжества и царства, которые впоследствии вели между собой постоянные войны, а такое неминуемо вело к самоистреблению отдельных личностей и целых отрядов воинственного аланского населения (XI–XIV вв. н. э.). В ставшей уже исторической Алании преемственно развивались и совершенствовались самые уникальные и вместе с тем обладавшие определенной, генетически обусловленной устойчивостью, архитектурные морфотипы древнейших центральных сооружений: жилищ, святилищ, склепов и башен, а также

средневековых центрально-купольных храмов* [3].

Таковой была историческая действительность, этническая, антропологическая, лингвистическая и культурная реальность Центрального Кавказа в системе близлежащих и отдаленных стран и историко-культурных регионов Востока и Запада как в эпоху древности, так и в период новой социально-экономической формации, т. е. в эпоху раннего и развитого феодализма. Очевидно, что в эпоху древности ираноязычные создатели и продолжатели кобано-тлийской художественной культуры являлись передовыми, мировоззренчески и творчески высокоразвитыми племенами, знатоками горного дела, металлургии и металлообработки, керамического производства. Вполне отрадно, что кобано-тлийские мастера создали неповторимые по форме, композиции сюжета и декора, эстетике стиля образцы древнего искусства, являющиеся ныне достоянием художественного наследия народов Кавказа и стран Востока.

Столь же очевидно, что в эпоху раннего и зрелого Средневековья ираноязычные аланские племена создали недостижимую по уровню развития аланскую художественную культуру – яркую и самобытную ветвь архитектуры и строительной техники, монументального, декоративно-прикладного и орнаментального искусства. Аланские творцы внесли весомый вклад в мировую сокровищницу восточно-христианского художественного наследия. Наряду

с Абхазией, Грузией, Арменией и исторической Агванией этнос и культура Алании вошли в состав высокоразвитых цивилизованных обществ и державных государств Кавказа, к которым в случае вражеского нашествия или его вероломного вторжения всегда приходили на помощь воинственные и хорошо вооруженные аланские всадники.

Непростительно и досадно то, что до сегодняшнего времени исследователями не выявлен этноним создателя и продолжателя кобано-тлийской материально-художественной культуры. Однако, несмотря на сложившуюся ситуацию, все же искусствоведческо-компаративный анализ многообразия и эстетической выразительности формы, иконографии и семантики изобразительного сюжета, мотива орнаментального декора, стилистики графических изображений и пластики металлических и керамических изделий позволяет с полной основательностью заявить о том, что произведения местного кобано-тлийского искусства созданы ираноязычными племенами** [4].

Уже тогда, в глубокой древности, по обе стороны Главного Кавказского хребта обитала единая племенная общность кавказионского типа и иранского языка, которая наряду с арийской мифологией и нартским эпосом, кобано-тлийскими художественными произведениями также создавала или же преемственно развивала новые архитектурные морфотипы центрической композиции, структуры и формы: жилища, святилища, склеповые и башенные сооружения.

*Исследованию архитектуры и строительной техники древних и средневековых центрических сооружений (жилищ, святилищ, склепов и башен), а также зально-сводчатых и центрально-купольных храмов эпохи раннего и зрелого Средневековья Центрального Кавказа посвящены научные труды таких известных историков, археологов, этнологов, искусствоведов и архитекторов, как Г. А. Кокиев, И. П. Щелькин, Л. П. Семенов, С. В. Безсонов, Г. И. Лежава, М. И. Джандиери, Г. Н. и Н. Г. Чубинашвили, В. О. Долидзе, А. И. Вольская, П. П. Закарая, А. И. Робакидзе, Г. Г. Гегечкори, Р. С. Меписашвили, В. Г. Цинцадзе, А. Н. Калдани, Э. Б. Бернштейн, С. С. Кригер, П. Г. Акритас, А. Я. Кузнецова, А. Ф. Гольдштейн, В. И. Марковин, Н. Ф. Такоева, В. П. Кобычев, Б. А. Калоев, А. Х. Магомедов, В. А. Кузнецов, Л. А. Чибиров, И. М. Мизиев, М. Б. Мужухоев, В. Х. Тменов, С. Д. Сулименко, А. Г. Лазарев, В. В. Пишулина и др.

**Для научной объективности следует принять во внимание следующее: историко-культурное понятие «кобано-тлийская археологическая культура» впервые предложено нами вместо введенного в научный обиход понятия «кобанская археологическая культура», так как оно наряду с общим понятием «центрально-кавказская культура» наиболее адекватно историко-географическому ареалу прославленной культуры эпохи древности.

Традиционное представление об этногенезе и этнической истории алан-осетин, их языке, духовной и художественной культуре обычно сводится к двум основным и, казалось бы, взаимно дополняемым, но абсолютно противоположным в своей основе и взаимоисключающим точкам зрения, введенным в научный обиход гипотезам так называемых научных авторитетов лингвистической иранистики и исторического кавказоведения.

По одной версии, появление на Центральном Кавказе иранского языка, т. е. языка современных осетин, исторических алан и их далеких предков, произошло, вероятно, путем насильственного вытеснения одного языка другим – более могущественным племенным языком, или иначе, под натиском более сильных кочевых ираноязычных киммерийских, скифо-сарматских и сармато-аланских племен Великой степи слабые предки современных осетин отступили в горы, потеснив, в свою очередь, уже обитавшие там другие автохтонные племена. При этом неясно, кем же были по типу и языку эти аборигенные предки, обитавшие на предгорных равнинах и в речных долинах Предкавказья, а также и те автохтонные племена, которые обитали в суровых горах Большого Кавказа.

По другой версии, существовавшие на Центральном Кавказе местные горские племена, т. е. физические предки современных осетин, говорившие на одном из кавказских языков и создавшие кобано-тлийскую материально-художественную и духовную культуру, или иначе, коренные оседлые племена, которые на протяжении веков и тысячелетий преемственно наследуя и сохраняя сущность кавказского этноса и культуры, под давлением вероломно вторгшихся вглубь гор кочевых ираноязычных степняков сменили свой исконно кавказский язык на иранский.

Не секрет, что подобная постановка проблемы о признании преобладания одного из двух компонентов – пришлого, степного иранского или местного, гор-

ного кавказского – методологически несостоятельна и по своей сути заведомо ложна. Это бесконечный и мнимый путь поиска истины, ведущий к созданию у двуприродных осетин идентичной двуприродной истории – раздельной истории языка и истории этноса [37; 40; 42].

Однако, анализируя взаимодействие прилегающих друг к другу этно- и социокультурных пространств гор и степи, крайне необходимо проследить как складывалась относительно устойчивая общность этнической территории и контактных зон, общность формирования внешнего облика и психического склада этноса, его материальной и духовной культуры, общность хозяйственной деятельности и социальной жизни на исторических этапах непрерывного и преемственного его развития в качестве равноправного этнического признака наряду с общностью языка в иранском мире, но его особенностью в кавказском окружении и, более того, эпицентральной уникальностью и генеративной особенностью исконно арийской культуры, возникшей и эволюционирующей на лоне благодатной природы, весьма сложной и суровой экологической среды, но впоследствии оказавшейся в иноэтническом окружении [Там же].

Постижение архитектурной и строительной-технической сущности древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатой структурой перекрытия и отверстием в зените над открытым очагом, размещенным в середине просторной жилой ячейки, стало исходной материально очевидной основой и культурно-историческим фактом поиска этногенетической истины, предельно адекватной исторически реальной жизни осетин, алан и их далеких древних и древнейших предков.

Следует особо отметить, что архитектурный морфотип центрического жилища был исходной архитектонической основой создания и совершенствования архаических форм дохристианских общественно-родовых мемориальных и культовых сооружений: в мемориаль-

ной архитектуре – традиционных склепов-усыпальниц, в сакральной – рудиментарных святилищ. Эти сооружения, донесшие до нас древние, дохристианские архитектурные традиции, имеют, подобно центрическому жилищу, двойственный характер конструкции перекрытия: внутреннее пространство обычно завершается ложно-сомкнутым сводом, а их внешняя форма получает вид пирамидально-ступенчатой кровли на четыре ската, нередко на два.

В то же время особенно важно заметить и понять весьма удивительную, но имеющую огромный семантический смысл, глубокое функциональное обоснование и символическое значение, неопровержимую конструктивно-художественную реальность, а именно: доведенный до совершенства конструктивной логики и художественной правдивости пирамидально-уступчатый деревянный куполоподобный объем древнейшего центрического жилища, т. е. дома для живущих, как ни удивительно, получил несколько иную творческую интерпретацию в склеповых сооружениях, т. е. доме для усопших. Внутренняя деревянно-балочная пирамидальная уступчатость интерьера центрического жилища переоплотилась в наружную каменно-плиточную пирамидальную ступенчатость экстерьера склепа, при этом внешняя прямоугольно-курганобразная концентрическая земляная форма экстерьера жилища – во внутреннюю сомкнуто-сводчатую поверхность пирамидальной формы завершения интерьера центрического склепа. Иными словами, перекрытие почти квадратного в плане кубического объема интерьера центрического жилища словно вывернуто наизнанку и установлено на несколько вытянутом ввысь кубическом объеме экстерьера центрического склепового сооружения.

Именно этот неопровержимый этнокультурный и исторический факт подтолкнул нас к дальнейшим размышлениям и пониманию того, что ясный день в жилище превратился в темную ночь

в склепе, а это означает, что солярный символ дома для живущих поменялся на лунарный символ дома для усопших. В контексте изложенного также следует учесть беспрецедентные в мировой архитектуре и строительной технике функционально-конструктивные и эстетические особенности жилища и склепа, имеющие определенный, функционально значимый, но еще не познанный семантический смысл и символическое значение.

Доведенный до совершенства конструктивной логики и идеальной художественной правдивости пирамидально-уступчатый деревянный куполоподобный объем древнейшего центрического жилища, т. е. дома для живущих, над центральным ядром плановой композиции и по вертикальной оси пространственной структуры интерьера завершается светодымовым отверстием. На слегка возвышенном кубическом объеме древнейшего центрического склепа, т. е. дома для усопших, ритмично убывающая по вертикальной оси к вершине, четкая пирамидально-ступенчатая форма экстерьера завершается каменным фаллосом. В поистине уникальных архитектурных творениях коренных горских народностей Центрального Кавказа столь неожиданное сочетание женского и мужского элементов отнюдь не является случайностью, ибо в традиционном зодчестве ничего не создавалось только для красоты, даже орнаментальный декор имел семантическое назначение и символический смысл.

В долгих раздумьях мы, кажется, стали осмысливать важность и функциональную необходимость горизонтально устроенного в зените перекрытия жилища отверстия и вертикально установленного в вершине перекрытия склепа фаллоса. Разумеется, каждый из двух элементов свидетельствует о женском и мужском начале, а поэтому они должны выполнять, и это неоспоримо, в архитектуре уникальных сооружений центрической композиции, структуры и формы, определенные функции, т. е. каждый из них создан с конкретным

функционально-смысловым назначением. Пока мы находимся в процессе проникновения в очевидные реалии творческих тайн древних зодчих, выходцев из местных ираноязычных племен, создателей таких архитектурных творений, которые поныне еще не осмыслены в науке и которые по значению являются крайне актуальными для современности. На пути постижения семантической и символической сути функций этих и других, аналогичных по функциональной значимости, сооружений Центрального Кавказа, пока нам удалось одолеть всего лишь первый этап. Смысл выявленного заключается в изысканной архитектонике этих сооружений, закономерном и гармоничном соотношении внутреннего пространства и наружных масс, в особенной, поистине универсальной их функциональности и невероятной жизненной необходимости. Это вполне очевидно, если додуматься и представить уму непостижимое даже для высокообразованного мастера архитектуры нынешнего времени. Итак, наша концепция о впервые нами же выявленном факте: солнечный свет, необходимый для зачатия, рождения и биологического развития человека в древнейшем центрическом жилище с пирамидально-уступчатой структурой перекрытия и отверстием в зените, сменился на лунный мрак, также необходимый для сохранения духа личности и мумификации его плоти в древнейшем центрическом склепе с пирамидально-ступенчатой формой перекрытия и фаллосом в вершине. Со столь отдаленных культурно-исторических эпох обе эти равные по длительности функции ежедневно непрерывно продолжают.

Более удивительны последующие этапы постижения семантической и символической сути характера местонахождения и функционального назначения древнейших сооружений центрической архитектуры – весомых и зримых свидетелей этнических особенностей образа жизни и самосохранения духа, культового ритуала и погребально-

поминального обряда коренных ираноязычных племен и горских народностей Центрального Кавказа.

Также отметим, что ни одно башенное сооружение, возведенное из естественного камня, Северной и Южной Осетии, Балкарии и Карачая не имеет пирамидально-ступенчатого перекрытия, аналогичного перекрытиям склеповых сооружений, которыми завершаются вейнахские и хевсурские башни. Это следует принять во внимание как весьма любопытный, но реальный культурно-исторический факт, являющийся важным материально-художественным источником при архитектуроведческой интерпретации и этнической атрибуции памятников народного зодчества древнейших обитателей Большого Кавказа, необходимым весомым аргументом их сравнительной хронологизации и относительной датировки и наиболее веским, абсолютным материально-эстетическим свидетельством определения изначальности появления столь оригинального конструктивно-художественного элемента в уникальных архитектурных творениях кавказских горцев – склеповых и башенных сооружениях [27–28].

Однако это является темой для специального, самостоятельного архитектуроведческого исследования, которое, при высоком профессиональном уровне его выполнения, позволит понять и убедиться в том, где конкретно и когда, в какой именно этнической среде зародилась и сформировалась такая, не имеющая аналогов в мировой архитектуре и строительной технике, архитектурно-художественная форма ступенчато-венцеобразного перекрытия и определить место зарождения, функциональное назначение, уровень социально-экономического развития конкретной эпохи и этническую принадлежность идеи творческого воплощения пирамидально-уступчатого и пирамидально-ступенчатого перекрытий [12–13].

Общепризнанные произведения изысканных искусств Центрального Кавказа, Западного Памира и Гиндикуша эпохи

древности и средних веков отличаются особым, неповторимым художественным образом и стилем, исключительной эстетической выразительностью; в них отображены гармония человеческого общества и природной среды, повседневный жизненный уклад и социальные приоритеты в строгих параметрах биогеоэкологического равновесия и, наконец, в них запечатлены суровый психический склад этноса-созидателя, специфика его мифологического, конфессионального и пространственно-тектонического мышления, художественно-творческого воображения и эстетического выражения.

Еще в 1920-х гг. было опубликовано обоснованное предположение о том, что такое поразительное сходство в центрическом жилище с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом несомненно указывает «...на одну общую древнюю культуру, работавшую когда-то этот потолок» и одновременно обращено внимание на необходимость сравнительного изучения традиционного жилища Кавказа, Памира и Гиндукуша. Эта публикация свидетельствует о древнейшем этногенетическом единстве и исторической общности современных обитателей Кавказа, имеющих индоевропейские корни, и ираноязычных племен и народов Средней Азии, потому что автору удалось выявить «...наличие характерных признаков переднеазиатской расы среди таджиков верхнего течения Аму-Дарьи, сближающих их с населением Кавказа» и отметить «...наличие общих черт в духовной и материальной культуре» [2].

Задолго до введения в научный обиход ныне знаменитой «теории Гамкрелидзе-Иванова» о прародине индоевропейских племен на территории Армянского нагорья и прилегающей части в Передней Азии и возможных направлениях движения миграционных волн была предсказана причина появления в Памиро-Гиндукушском двугорье центрического жилища с пирамидально-

уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом. Это предположение через полвека получило исчерпывающее научное истолкование, смысл которого заключается в том, что после распада праиндоевропейского единства вместе с миграционными волнами архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища был занесен индоевропейцами из их прародины как на запад, так и на север и восток Альпийско-Гималайского горного пояса Евразии, а намного позже, через территорию Средней Азии и Казахстана, в значительно упрощенном виде, в Восточную Европу и далее [9; 29].

Анализ плановой композиции, пространственной структуры и архитектоники древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием над открытым очагом, размещенным в середине просторной жилой ячейки, с целью выявления специфики и обстоятельств происхождения, процесса формирования и диапазона их распространения как в пространстве, так и во времени и, что весьма важно, осуществлять все это в контексте лингвистической реконструкции прародины индоевропейцев и направлений миграционных волн носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Армянском нагорье и прилегающей части в Передней Азии в исторические места их обитания в Евразии, предоставляет возможность установить следующее: наличие всех разновидностей архитектурного морфотипа древнейшего центрического жилища, включая совершенно уникальные пространственно-тектонические структуры и формы, дают основание полагать, что территория Южного Кавказа, к югу от Малого Кавказа, включая восточную часть Малой Азии и крайний северо-запад современного Ирана, является не только изначальным ядром формирования индоевропейского этноса и языка, или, иначе, их прародиной, но и основным и единственным центром зарожде-

ния и закономерного развития удивительно жизнестойкого архитектурного морфотипа древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и светодымовым отверстием над открытым очагом, размещенным в середине просторной жилой ячейки. Архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища непрерывно совершенствовался на более обширной территории Центрального и Южного Кавказа (преимущественно в исторической Армении, древней Иберии, или Восточной Грузии, исторической Агвании и Алании), Западного Памира и Гиндукуша на протяжении 6–8 тыс. лет и предстал в высшей степени художественного воплощения как эстетически выразительный и предельно архитектурно-организмический организм, как каноническое творение мировой архитектуры и строительной техники.

Уцелевшие разновидности архитектурного морфотипа центрического жилища сегодня являются символом былого могущества и интеллектуального величия древнейших индоевропейцев, ярким показателем вершинных достижений индоевропейской созидательной силы и мощным жизнеутверждающим началом их прямых потомков и опосредованных последователей на Южном и Центральном Кавказе, на востоке – в Иране и Афганистане, Средней и Центральной Азии, на западе – в Малой Азии, Балканском полуострове и прилегающих островах, т. е. объединяемых единством архитектурогенеза восточных и западных провинций центрического домостроительства.

Таким образом, аксиоматично положение о том, что каждый этнос оставляет свой, только ему присущий след на Земле, который в той или иной степени отражен в археологических наслоениях и памятниках древней письменности, в его языке и физическом облике, хозяйственно-бытовой деятельности, воплощен в духовных и материально-художественных творениях, в том числе в памятниках народного и оборонного

зодчества, монументальной мемориальной и культовой архитектуры, т. е. в материализованных и зримых свидетелях минувших эпох и ушедших поколений, являющихся весомым и реальным показателем развития интеллектуального уровня, пространственного мышления и эстетического воображения, созидательного потенциала конкретного этноса.

Полноценная и обстоятельная архитектуроведческая интерпретация, атрибуция, датировка этнического культурного достояния, прежде всего архитектурного наследия, и его регионализация способствуют воссозданию древнейшей, древней и средневековой истории, идеологии и культуры народа – создателя и продолжателя устойчивых архитектурных традиций, определению его этногенеза и этнической истории, этнической индивидуальности и самостоятельности, а также локализации исторической прародины и выявлению направленности миграционных волн того или иного этноса, а также этнической общности.

В этом аспекте Кавказ представляет собой удивительно сложный и предельно органичный естественно-географический и этнокультурный регион биосферы Земли, является чрезвычайно важной узловой субстанцией магистрального пути мирового исторического процесса. Во все времена природное лоно Кавказа благоприятствовало этно-, расо- и лингвогенезу, этногенетическому развитию и социальному прогрессу, духовному преображению и процветанию многих племен и народов, в частности тем, которые сегодня являются местным населением. В научном мире известно, что на Кавказе находятся центры и очаги образования антропологических типов и человеческих рас, глоттогенеза, лингвогенеза, этногенеза, возникновения земледелия и domestikации растений, происхождения скотоводства и domestikации животных, становления горного дела и металлургии, зарождения декоративно-прикладного искусства (оригинальной металлопластики, кера-

мики) и орнаментики, утверждения христианской религии как государственной идеологии. Более того, Кавказ также является обособленным центром архитектурогенеза ряда уникальных архитектурных морфотипов древнейших центральных сооружений и раннесредневековых центрально-купольных и зально-сводчатых усыпальниц и храмов, мавзолеев и мечетей.

Высокий интеллект коренных жителей Кавказа, наличие природных строительных ресурсов и благоприятный экологический фон явились основой зарождения, процесса формирования и географического распространения архитектурных морфотипов центральных зданий и сооружений жилого, оборонного, погребального и сакрального назначения, начиная от реликтового центрального жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и отверстием в зените над открытым очагом и заканчивая архитектурными морфотипами центрально-купольных храмов, не имеющих аналогов в истории мировой архитектуры эпохи раннего и зрелого Средневековья.

В связи с этим проблематике генезиса и эволюции идеи купола на квадрате в традиционном, народном зодчестве и в монументальной центрально-купольной архитектуре отдельных народов, конкретных стран и целых историко-культурных регионов Евразии: персидской державы – сасанидского Ирана, исторической Византии и стран христианского Востока (Малой Азии, Верхней Месопотамии, Сирии и Палестины, Армении, Агвании, Грузии, Абхазии, Алании, Крыма, Древней Руси, Украины и Белоруссии, Греции, Македонии, Сербии и Черногории, Болгарии, Валахии и Молдовы, и др.), арабского мира и мусульманского Востока (Ирана, Афганистана, Таджикистана, Сельджукии, Турции, Азербайджана, Средней Азии и Южного Казахстана, Среднего Поволжья и Крыма, Предкавказья и Дагестана и др.), создавших поистине уникальные, подлинно классические памятники гражданской, фортификационной, мемори-

альной и культовой архитектуры, предстоит уделить должное, по достоинству адекватное древнейшему, древнему и средневековому архитектурному наследию, профессиональное внимание. Только комплексное исследование памятников архитектуры на выше очерченной территории Евразии, их тщательное натурное обследование и глубокий архитектуроведческий анализ на основе интернационального сотрудничества ученых и на уровне европейской научной методологии предоставит возможность коллективно подготовить обстоятельное многотомное академическое издание и тем самым внести подобающий международный научный вклад в сокровищницу всеобщей истории архитектуры и строительной техники.

Поставив перед собой научную цель и избрав особый методологический принцип осмысления функциональной сущности плановой композиции, семантики пространственно-тектонической структуры и символики художественного образа всех разновидностей архитектурного морфотипа древнейшего центрального жилища и рассматривая его как надежный архитектуроведческий источник универсальной значимости, способствующий постижению многоаспектной проблемы о локализации прародины индоевропейцев, характере расхождения миграционных волн и исторических этапах их расселения изначально в горных регионах, а затем и на необъятных просторах Евразии, мы вносим свой вклад в научное утверждение новаторской «теории Гамкрелидзе-Иванова» о реконструкции индоевропейского праязыка и протокультуры, теории, ставшей подлинно эпохальной в развитии гуманитарных наук и открывшей новое направление в современном архитектуроведении для постижения этнических особенностей и имманентных закономерностей формирования и исторического развития народного зодчества, монументальной центрально-купольной архитектуры стран христианского и мусульманского Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Абаев, В. И.** Заключительное слово / В. И. Абаев // Происхождение осетинского народа : материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин (6–8 октября 1966 г., г. Владикавказ. Республика Северная Осетия-Алания). – Владикавказ, 1967.
2. **Андреев, М. С.** Таджики долины Хуф / М. С. Андреев. – Сталинабад : Изд-во АН ТаджССР, 1958. Вып. 2.
3. **Бесолов, В. Б.** Монументальная архитектура Алании в лоне восточнохристианского художественного койне / В. Б. Бесолов // Материалы Первой Международной научной конференции по осетиноведению (12–14 октября 1991 г., г. Владикавказ). – Владикавказ, 1991. – С. 16–18.
4. **Бесолов, В. Б.** Древнее искусство Центрального Кавказа : ведущие тенденции и характерные черты / В. Б. Бесолов // Материалы Первой Международной научной конференции по осетиноведению (12–14 октября 1991 г., г. Владикавказ). – Владикавказ, 1991. – С. 14–16.
5. **Бесолов, В. Б.** Строительный материал и конструктивный принцип как основа пространственно-тектонической структуры и архитектурной формы древнейшего центрического жилища Переднего Востока / В. Б. Бесолов // Актуальные проблемы бетона и железобетона : (Материалы и конструкции, расчет и проектирование) : сборник статей и тезисов докладов. – Кисловодск, 2010. – С. 6–20.
6. **Бесолов, В. Б.** Архитектоническая сущность идеи купол на квадрате как кристаллизация созидательной мысли древних индоевропейских зодчих и строителей центрических жилищ / В. Б. Бесолов // Актуальные проблемы бетона и железобетона : (Материалы и конструкции, расчет и проектирование) : сборник статей и тезисов докладов. – Кисловодск, 2010. – С. 88–99.
7. **Бесолов, В. Б.** Восприятие христианства аланским обществом и возведение храмов аланским государством Центрального Кавказа в эпоху раннего и зрелого средневековья / В. Б. Бесолов // Конфессии на Кавказе : материалы 1-й Международной научной конференции (2–5 марта 2014 г., г. Лондон. Великобритания). – Баку, 2014.
8. **Ванеев, З. Н.** Средневековая Алания / З. Н. Ванеев. – Цхинвал, 1959.
9. **Гамкрелидзе, Т. В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы : Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 кн. / Т. В. Гамкрелидзе. – Тбилиси : Изд-во ТбГУ, 1984. – С. 956–957.
10. **Герасимова, М. М.** К вопросу о среднеазиатско-северокавказских этнических связях в сарматское время / М. М. Герасимова, Л. Т. Яблонский // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока : материалы Международной научной конференции. – Москва, 1984.
11. **Гиришман, Р. М.** Происхождение «чахартака» / Р. М. Гиришман // История и археология Средней Азии. – Ашхабад, 1978. – С. 37–40.
12. **Гольдштейн, А. Ф.** Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии / А. Ф. Гольдштейн. – Москва, 1975. – 157 с.
13. **Гольдштейн, А. Ф.** Башни в горах / А. Ф. Гольдштейн. – Москва, 1977. – 334 с.
14. **Гумилев, Л. Н.** Этногенез и биосфера Земли : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра геогр. наук / Л. Н. Гумилев. – Ленинград, 1973.
15. **Гумилев, Л. Н.** Этногенез и биосфера земли : в 3 т. / Л. Н. Гумилев. – Москва : ВИНТИ, 1979.
16. **Гумилев, Л. Н.** География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1989.
17. **Гумилев, Л. Н.** Этносфера : История людей и история природы / Л. Н. Гумилев. – Москва : Экспрос, 1993.
18. **Джуртубаев, М. Ч.** Происхождение карачаево-балкарского и осетинского народов / М. Ч. Джуртубаев. – Нальчик, 2010.
19. **Дюмезиль, Ж.** Осетинский эпос и мифология / Ж. Дюмезиль. – Москва, 1976.
20. **Дюмезиль, Ж.** Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль. – Москва, 1986.
21. **Дюмезиль, Ж.** Скифы и нарты / Ж. Дюмезиль. – Москва, 1990.
22. **Зураева, А. П.** Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа / А. П. Зураева. – Нью-Йорк, 1966. – Т. 1.
23. **Крупнов, Е. И.** Древняя история Северного Кавказа / Е. И. Крупнов. – Москва, 1960.

24. **Крупнов, Е. И.** Заключительное слово / Е. И. Крупнов // Происхождение осетинского народа: материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин (6–8 октября 1966 г., г. Владикавказ. Республика Северная Осетия-Алания). – Владикавказ, 1967.
25. **Кузнецов, В. А.** Христианство на Северном Кавказе до XV века / В. А. Кузнецов. – Владикавказ, 2002.
26. **Лайпанов, К. Т.** Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами / К. Т. Лайпанов. – Черкесск, 2000.
27. **Лежава, Г. И.** Народная башенная архитектура / Г. И. Лежава, М. И. Джандиери. – Москва, 1976. – 137 с.
28. **Лежава, Г. И.** Архитектура горных районов Грузии : Хевсуретия. Южная Осетия. Горная Рача и Нижняя Сванетия / Г. И. Лежава. – Москва, 1940. – 110 с.
29. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока : тезисы докладов. – Москва, 1984. – Ч. 1–6.
30. **Маилов, С. А.** К вопросу о значении идеи «купола на квадрате» в архитектуре / С. А. Маилов // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен : тезисы докладов III Всесоюзной научной конференции. – Москва, 1979. – С. 50–52.
31. **Марр, Н. Я.** Ossetica – Japhetica / Н. Я. Марр // Известия РАН. – 1918. – Т. 12. – С. 2070.
32. **Мизиев, И. М.** Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа / И. М. Мизиев. – Нальчик, 1986.
33. Народы Кавказа : в 2 т. Т. 1 : Народы Северного Кавказа. – Москва, 1960.
34. Народы Кавказа : в 2 т. Т. 2 : Народы Южного Кавказа. – Москва, 1962.
35. Народы Средней Азии и Казахстана : в 2 т. – Москва, 1961–1963.
36. Народы Кавказа. – Москва, 1996. – Вып. 1. – (Сер. «Библиотека российского этнографа»).
37. О происхождении балкарцев и карачаевцев : материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г., г. Нальчик. Кабардино-Балкарская АССР). – Нальчик, 1960.
38. Проблемы происхождения нахских народов : материалы Всесоюзной научной конференции. – Шатой, 1991.
39. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана : тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (20–23 мая 1988 г., г. Москва. Россия). – Москва, 1988.
40. Происхождение осетинского народа : материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин (6–8 октября 1966 г., г. Владикавказ. Республика Северная Осетия-Алания). – Владикавказ, 1967. – 335 с.
41. **Фаэнзен, Х. К.** вопросу о зарождении архитектуры церквей с крестообразным основанием и центральным куполом / Х. Фаэнзен // Материалы II Международного симпозиума по армянскому искусству. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1978. – 18 с.
42. Этногенез и этническая история осетин : материалы Международного научного конгресса (21–22 мая 2013 г., г. Владикавказ. Республика Северная Осетия-Алания). – Владикавказ, 2013. – 343 с.
43. **Hopper, P. J.** Glottalized and murmured occlusives in Indo-European / P. J. Hopper // Glossa. An International Journal of Linguistics. – 1973. – Vol. 7. – № 2.
44. **Mallory, J. P.** In Search of the Indo-Europeans : Language, Archaeology and Myth / J. P. Mallory. – London : Thames and Hudson, 1989.
45. **Renfrew, C.** Archaeology and Language : The Puzzle of Indo-European Origin / Renfrew, C. – London : Pimlico, 1987.

Поступила 07.04.2014 г.

Об авторах:

Бесолов Владимир Бутусович, руководитель Северо-Кавказского академического центра Международной Академии архитектуры (Россия, г. Алагир, ул. Алагирская, д. 94), archgrad101@yandex.ru
Бесолов Аристарх Владимирович, аспирант кафедры кавказоведения, истории древнего мира и средних веков Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46), archgrad101@yandex.ru

Для цитирования: Бесолов, В. Б. Архитектура древнейших центрических сооружений кавказо-пампирского мегарегиона как определитель пути этногенеза и этнической истории и культуры алано-осетин / В. Б. Бесолов, А. В. Бесолов // Вестник Мордовского университета. – 2015. – Т. 25, № 1. – С. 128–144. DOI: 10.15507/VMU.025.201501.128

REFERENCES

1. Abaev V. I. Zaklyuchitelnoe slovo [Concluding words]. *Proiskhozhdenie osetinskogo naroda: materialy nauchnoy sessii, posvyashchennoy probleme etnogeneza osetin (6–8 oktyabrya 1966g., g. Vladikavkaz. Respublika Severnaya Osetiya-Alaniya)* – Ethnogenesis of Ossetians: materials of symposium (October 6–8, 1966, Vladikavkaz, the Republic of North Ossetia-Alania). Vladikavkaz, 1967.
2. Andreev M. S. Tadjiki doliny Khuf [Tajiks of Khuf valley]. Stalinabad, Tajik Soviet Socialist Republic Academy of Sciences Publ., 1958, vol. 2.
3. Besolov V. B. Monumentalnaya arkhitektura Alanii v lone vostochnokhristianskogo khudozhestvennogo koynе [Monumental architecture of Alania in the field of Eastern Christian artistic coine]. *Materialy Pervoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po osetinovedeniyu (12–14 oktyabrya 1991 g., g. Vladikavkaza)* – Materials of the first international symposium on Ossetian researches (October 12–14, 1991, Vladikavkaz). Vladikavkaz, 1991, pp. 16–18.
4. Besolov V. B. Drevnee iskusstvo Tsentralnogo Kavkaza: vedushchie tendentsii i kharakternye cherty [Ancient art of Central Caucasus: main trends and features]. *Materialy Pervoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po osetinovedeniyu (12–14 oktyabrya 1991 g., g. Vladikavkaza)* – Materials of the first international symposium on Ossetian studies (October 12–14, 1991, Vladikavkaz). Vladikavkaz, 1991, pp. 14–16.
5. Besolov V. B. Stroitelnyy material i konstruktivnyy printsip kak osnova prostranstvenno-tektonicheskoy struktury i arkhitekturnoy formy drevneyshego tsentricheskogo zhilishcha Perednego Vostoka [Construction material and constructive principle as a basis of spatial tectonic structure and architectural form of earliest centrally-planned building of Western Asia]. *Aktualnye problemy betona i zhelezobetona (Materialy i konstruktсии, raschet i proektirovanie): sbornik statey i tezisov dokladov* – Contemporary issues of concrete and armored concrete (Materials and constructions, estimation and designing): collected works. Kislovodsk, 2010, pp. 6–20.
6. Besolov V. B. Arkhitektonicheskaya sushchnost idey kupol na kvadrate kak kristallizatsiya sozidatelnoy mysli drevnikh indoevropeyskikh zodchikh i stroiteley tsentricheskikh zhilishch [Architectonic essence of dome on a square idea as crystallization of creative thought of ancient Indo-European architects and constructors of centrally-planned buildings]. *Aktualnye problemy betona i zhelezobetona (Materialy i konstruktсии, raschet i proektirovanie): sbornik statey i tezisov dokladov* – Contemporary issues of concrete and armored concrete (Materials and constructions, estimation and designing): collected works. Kislovodsk, 2010, pp. 88–99.
7. Besolov V. B. Vospriyatие khristianstva alanskim obshchestvom i vozvedenie khramov alanskim gosudarstvom Tsentralnogo Kavkaza v epokhu rannego i zrelogo srednevekovyа [Perception of Christianity by Alanian society and installation of temples by the Alanian state of Central Caucasus in Early and High Middle Ages]. *Konfessii na Kavkaze: materialy 1-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (2–5 marta 2014 g., g. London. Velikobritaniya)* – Confessions on the Caucasus: materials of the 1st international academic conference (March 2–5, 2014, London, Great Britain). Baku, 2014.
8. Vaneev Z. N. Srednevekovaya Alaniya [Alania in the Middle Ages]. Tskhinval, 1959.
9. Gamkrelidze T. V. Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeysy: Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokultury: v 2 kn. [Indo-European language and Indo-Europeans: reconstruction and historical and typological analysis of ancestor language and protoculture: in 2 volumes]. Tbilisi, TbilSU Publ., 1984, pp. 956–957.
10. Gerasimova M. M., Yablonskiy L. T. K voprosu o sredneaziatsko-severokavkazskikh etnicheskikh svyazyakh v sarmatskoe vremya [Central Asian and Northern Caucasian ethnic connections in Sarmatian age]. *Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneyshaya istoriya Vostoka: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* – Linguistic reconstruction and prehistory of the East: materials of international academic conference. Moscow, 1984.
11. Girshman R. M. Proiskhozhdenie “chakhartaka” [Origin of “chakhartak”]. *Istoriya i arkheologiya Sredney Azii* – History and archeology of Central Asia. Ashkhabad, 1978, pp. 37–40.

12. Goldshteyn A. F. Srednevekovoje zodchestvo Checheno-Ingushetii i Severnoy Osetii [Middle-age architecture of Checheno-Ingoshetia and Northern Ossetia]. Moscow, 1975, 157 p.
13. Goldshteyn A. F. Bashni v gorakh [Towers in the mountains]. Moscow, 1977, 334 p.
14. Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera Zemli: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d-ra geogr. nauk [Ethnogenesis and biosphere of the Earth: auto-abstract of Doct. Geogr. Sci. Diss.]. Leningrad, 1973.
15. Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera Zemli: v 3 t. [Ethnogenesis and biosphere of the Earth: in 3 volumes]. Moscow, VINITI Publ., 1979.
16. Gumilev L. N. Geografiya etnosa v istoricheskiy period [Geography of an ethnos and historical period]. Leningrad, LGU Publ., 1989.
17. Gumilev L. N. Etnosfera: Istoriya lyudey i istoriya prirody [Ethnosphere: history of people and history of nature]. Moscow, Ekopros Publ., 1993.
18. Dzhurtubaev M. Ch. Proiskhozhdenie karachaevo-balkarskogo i osetinskogo narodov [Origin of Karachay-Balkar and Ossetian peoples]. Nalchik, 2010.
19. Dyumezil Zh. Osetinskiy epos i mifologiya [Ossetian epos and mythology]. Moscow, 1976.
20. Dyumezil Zh. Verkhovnyye bogi indoevroyeytsev [Supreme gods of Indo-Europeans]. Moscow, 1986.
21. Dyumezil Zh. Skify i narty [Scythians and narts]. Moscow, 1990.
22. Zuraeva A. P. Severnyye irantsy Vostochnoy Evropy i Severnogo Kavkaza [Northern Iranians of Eastern Europe and North Caucasus]. New York, 1966, vol. 1.
23. Krupnov E. I. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow, 1960.
24. Krupnov E. I. Zaklyuchitelnoe slovo [Concluding words]. *Proiskhozhdenie osetinskogo naroda: materialy nauchnoy sessii, posvyashchennoy probleme etnogeneza osetin (6–8 oktyabrya 1966 g., g. Vladikavkaz. Respublika Severnaya Osetiya-Alaniya)* – Ethnogenesis of Ossetians: materials of symposium (October 6–8, 1966, Vladikavkaz, the Republic of North Ossetia-Alania). Vladikavkaz, 1967.
25. Kuznetsov V. A. Khristianstvo na Severnom Kavkaze do XV veka [Christianity at North Caucasus before XVth century]. Vladikavkaz, 2002.
26. Laypanov K. T. Etnogeneticheskie vzaimosvyazi karachaevo-balkartsev s drugimi narodami [Ethnogenetic interconnections of Karachay-Balkars with other peoples]. Cherkessk, 2000.
27. Lezhava G. I., Dzhandieri M. I. Narodnaya bashennaya arkhitektura [National tower architecture]. Moscow, 1976, 137 p.
28. Lezhava G. I. Arkhitektura gornyykh rayonov Gruzii: Khevsuretiya, Yuzhnaya Osetiya, Gornaya Racha i Nizhnaya Svanetiya [Architecture of mountaineous areas of Georgia: Khevsureti, Southern Ossetia, Highland Racha and Svaneti]. Moscow, 1940, 110 p.
29. Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneyshaya istoriya Vostoka: tezisy dokladov [Linguistic reconstruction and prehistory of the East: scientific conference abstracts]. Moscow, 1984, pts. 1–6.
30. Mailov S. A. K voprosu o znachenii idei “kupola na kvadrate” v arkhitekture [On the problem of the meaning of the idea of “dome on a square” in architecture]. *Iskusstvo i arkhologiya Irana i ego svyaz s iskusstvom narodov SSSR s drevneyshikh vremen: tezisy dokladov III Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii – Arts and archeology of Iran and its connection to art of peoples of USSR from the earliest times: abstracts of the 3rd All-Union scientific conference*. Moscow, 1979, pp. 50–52.
31. Marr N. Ya. Ossetica – Japhetica. *Izvestiya RAN* – Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 1918, vol. 12, p. 2070.
32. Miziev I. M. Shagi k istokam etnicheskoy istorii Tsentralnogo Kavkaza [Moves towards the beginnings of ethnic history of Central Caucasus]. Nalchik, 1986.
33. Narody Kavkaza: v 2 t. T. 1: Narody Severnogo Kavkaza [Peoples of Caucasus: in 2 volumes. Vol. 1: Peoples of North Caucasus]. Moscow, 1960.
34. Narody Kavkaza: v 2 t. T. 2: Narody Yuzhnogo Kavkaza [Peoples of Caucasus: in 2 volumes. Vol. 1: Peoples of North Caucasus]. Moscow, 1962.
35. Narody Sredney Azii i Kazakhstana: v 2 t. [Peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow, 1961–1963.
36. Narody Kavkaza [Peoples of Caucasus]. Moscow, 1996, no. 1. “Library of Russian ethnographer” series.

37. *O proiskhozhdenii balkartsev i karachaevtsev: materialy nauchnoy sessii po probleme proiskhozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov (22–26 iyunya 1959 g., g. Nalchik. Kabardino-Balkarskaya ASSR)* – On the origin of Balkars and Karachays: materials of the symposium devoted to the problem of origin of Balkar and Karachay peoples (June 22–26, 1959, Nalchik, Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic). Nalchik, 1960.

38. Problemy proiskhozhdeniya nakhskich narodov: materialy Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii [Problems of origin of Nakh peoples: materials of All-Union scientific conference]. Shatoy, 1991.

39. Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii narodov Sredney Azii i Kazakhstana: tezisy dokladov Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii (20–23 maya 1988 g., g. Moskva. Rossiya) [Problems of ethnogenesis and ethnic history of peoples of Central Asia and Kazakhstan: abstracts of All-Union scientific conference (May 20–23, 1988, Moscow, Russia)]. Moscow, 1988.

40. Proiskhozhdenie osetinskogo naroda: materialy nauchnoy sessii, posvyashchennoy probleme etnogeneza osetin (6–8 oktyabrya 1966 g., g. Vladikavkaz. Respublika Severnaya Osetiya-Alaniya) [Ethnogenesis of Ossetians: materials of symposium (October 6–8, 1966, Vladikavkaz, the Republic of North Ossetia-Alania)]. Vladikavkaz, 1967, 335 p.

41. Faenzen Kh. K voprosu o zarozhdenii arkhitektury tserkvey s krestoobraznym osnovaniem i tsentralnym kupolom [On the problem of genesis of architecture of churches with the central dome]. *Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma po armyanskomu iskusstvu* – Materials for the II international symposium devoted to Armenian arts. Yerevan, Armenian Soviet Socialist Republic Academy of Sciences Publ., 1978, 18 p.

42. Etnogenez i etnicheskaya istoriya osetin: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa (21–22 maya 2013 g., g. Vladikavkaz. Respublika Severnaya Osetiya-Alaniya) [Ethnogenesis and ethnic history of Ossetians: materials of International scientific congress (May 21–22, 2013, Vladikavkaz, the Republic of North Ossetia-Alania)]. Vladikavkaz, 2013, 343 p.

43. Hopper P. J. Glottalized and murmured occlusives in Indo-European. *Glossa. An International Journal of Linguistics*. 1973, vol. 7, no. 2.

44. Mallory J. P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London, Thames and Hudson Publ., 1989.

45. Renfrew C. Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European. London, Pimlico Publ., 1987.

About the authors:

Besolov Vladimir Butusovich, director of North Caucasian Academic Centre of the International Academy of Architecture (94, Alagirskaya Str., Alagir, Russia), archgrad101@yandex.ru

Besolov Aristarkh Vladimirovich, post-graduate student of Caucasus Studies, the history of the ancient world and the Middle Ages of North Ossetia State University named after K. L. Hetagurov (46, Vatutin Str., Vladikavkaz, Russia), archgrad101@yandex.ru

For citation: Besolov V. B., Besolov A. V. Arkhitektura drevneyshikh tsentricheskikh sooruzheniy Kavkazo-Pamirskogo megaregiona kak opredelitel puti etnogeneza i etnicheskoy istorii i kultury alano-osetin [Architecture of ancient centric structures in Caucasus-Pamir megaregion as a determinant of the ethnogenesis process of development, ethnic history and culture of Alan-Ossetians]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin. 2015, vol. 25, no. 1, pp. 128–144. DOI: 10.15507/VMU.025.201501.128